

DOI 10.25991/AE.2020.34.1.018
УДК 82–32

О. В. Богданова, Г. П. Талашов

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
olgabogdanova03@mail.ru

Талашов Григорий Петрович — кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
gptalashov@mail.ru

**ФИЛОСОФИЯ ПЬЯНСТВА В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА
«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»
(«СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА» И «ПЬЯНАЯ НОЧЬ»)***

В статье рассматриваются главы «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) и ставится вопрос о философии пьянства, которую сам автор и его герои обсуждают наравне с титульным вопросом «Кому живется весело, вольготно на Руси...». В статье, с одной стороны, рассматривается нереализованный вариант завершения поэмы, когда счастливец, по Некрасову, оказывается пьяница, с другой — обсуждается философия объяснения пьянства как русского богатырства, предложенная Якимом Нагим. В этой связи затрагивается вопрос о народной (или антинародной) сущности «эпопеи крестьянской жизни», созданной поэтом-демократом.

Ключевые слова: русская литература середины XIX века, Н. А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», философия пьянства, авторская позиция, тенденциозность.

Bogdanova Olga V., Talashov Grigory P.,
THE PHILOSOPHY OF DRUNKENNESS IN THE POEM OF N. NEKRASOV
“TO WHOM IN RUSSIA TO LIVE WELL”
(“Rural yarmonka” and “Drunken night”)

The article considers the chapters “Rural yarmonka” and “Drunken night” from the poem by N. Nekrasov “To whom in Russia to live well” (1863–1877) and raises the question of the philosophy of drunkenness, which the author and his characters discuss on a par with the title question “Whom in Russia lives cheerfully, freely...” The article, on the one hand, considers the unrealized version of the completion of the poem, when the lucky man, according to Nekrasov, is a drunkard, on the other hand, discusses the philosophy of explaining drunkenness as Russian heroism, proposed by Yakim Nagoy. In this connection, the question of the national (or anti-national) essence of the “epic of peasant life” created by the poet-democrat is touched upon.

Keywords: Russian literature of the mid-XIX century, N. Nekrasov, poem “To whom in Russia to live well”, philosophy of drunkenness, author’s position, tendentiousness.

Стержневой образ-символ дороги, воплощенный в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877), позволяет поэту сюжетно и векторно организовать наррацию и дает возможность нанизывать на сквозной мотив странствия семи героев-крестьян новые впечатления и фабульные события, суммировать элементы общей картины. Столкнув странников-правдоискателей, задающихся вопросом «Кому живется весело, вольготно на Руси...», в первой главе с попом и в пятой главе с помещиком, автор планировал (и даже частично осуществил) встречу персонажей с «купчиной толстобрюхим» и с чиновником «акцизным». В последующем герои (и автор) должны были достичь столичного Петербурга — возможно, ради встречи с вельможей государевым, а, может быть, (при счастливых и фантастических обстоятельствах) и с царем.

Однако в складывающейся фабульно-композиционной ситуации диалог крестьян с попом и позже с помещиком, претендентами на роль счастливых, почти окончательно должен был привести героев-странников к мысли о бесперспективности поисков того (тех), «кому живется весело, вольготно на Руси». Каждый из тех покойных и богатых («богатейных») социальных слоев, которые крестьянами были предложены изначально: поп, помещик, вельможа... царь — должен был неизбежно продемонстрировать (как показала глава «Поп») неоднозначность человеческой жизни, выявить бытийные перипетии человеческого пути, экзистенциальную невозможность достижения абсолютного счастья. Найти во всем счастливых героев крестьяне-странники, со всей очевидностью, не могли.

Если бы Некрасов избрал в качестве взыскующей инстанции не крестьян, а героев пытливых,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

мыслящих, могущих проникнуть в бытийные катаклизмы человеческого существования, то персонажи-путешественники уже после встречи с попом осознали бы, что им пора возвращаться по домам. Поэма приобрела бы неизбежное философское — неоднозначно диалектическое — завершение.

Между тем Некрасов лишает своих «крестьян-лапотников» [13, с. 16] подобной мудрости. Путь героев после встречи с попом продолжается. При этом магистральная задача вывести в качестве главных персонажей-искателей именно представителей простого народа, задать, кажется, безапелляционные координаты счастья — «покой, богатство, честь» (которые озвучит вначале поп, а потом почти дословно повторит крестьянка Матрена Тимофеевна) — ставит автора (и героев) в ситуацию бесконечности поэмы, (почти) принципиальной невозможности ее завершения.

Однако в ходе повествования не только мужицкая (не)способность судейства, но и позиция автора-нарратора оказались подвергнутыми испытанию. Задумав сделать господ-богатеев (мнимыми) счастливыми, Некрасов-автор попал в ситуацию, когда, с одной стороны, его «демократический инстинкт» (Я. П. Полонский) мог бы продиктовать ему задачу превратить поэму в сатирическое обличение обеспеченных сословий (в духе разночинной сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина), с другой — его «аристократическое происхождение» (точнее намерение и желание быть таковым и быть среди таковых) не могло смириться с этим и (вольно или невольно) проявлялось в картинах поэтизации «дворянских гнезд» и разгульного помещичьего барства. Интенция соблюдения «нейтралитета» (по воспоминаниям современников, в целом свойственная Некрасову как личности) приводила к биполярности его авторского нарративного намерения, к невозможности однозначно квалифицировать образованных и мыслящих героев дворян-аристократов то ли счастливыми, то ли несчастными (напр., по типологии сценических героев А. Н. Островского). В поэме складывалась ситуация, когда «низы» (крестьяне) не могли разрешить поставленный вопрос, а «верхи» (автор) не хотели превращать поэму в уплощенную сатирическую карикатуру. Возможно, именно на данном этапе внимание Некрасова (и его героев) могло (и должно было) переключиться на характеры из народа, на образы возможных счастливых-несчастливых из среды крестьян. В таком случае действительно происходила подмена (или существенная корректировка) концепции и идейного замысла поэмы, о которой неоднократно писали исследователи [4, 7–8, 9, 14, 16, 17–19, 20 и др.], — представители высших сословий, с которыми должны были встречаться странники, отходили на второй план, а обреченные быть счастливыми/несчастливыми персонажи-крестьяне открывали Некрасову возможность развернуть эпическую картину народной жизни.

При такой деструкции фабульно-сюжетного замысла появление на пути крестьян-странников

села Кузьминского открывало для них (и для автора) новые перспективы (глава «Сельская ярмонка»). Герои Некрасова при виде огромного села допускают предположение:

Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?... [13, с. 29]

Пока по-прежнему отыскивая счастливых среди людей богатых и всё еще не принимая во внимание «людей малых», «своего брата» — «мастеровых, нищих, солдат, ямщиков» [13, с. 16], тем не менее герои-странники оказываются в Кузьминском в счастливый и удачный для них день — день щедрой ярмарки и «праздника храмового» [13, с. 29]. Здесь «товару много всякого», открыты «харчевни, рестораны», «кабаки», десятки «штофных лавочек» [13, с. 30]. На площади «видимо-невидимо народу» [13, с. 29]:

Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному... [13, с. 30]

Перед героями-крестьянами открывается (не предусмотренная ими прежде) художественно мотивированная возможность предположить, что на Руси кроме деревень Заплатово, Дырявино, Нелово, Горелово и проч. существуют и села богатые, счастливые. Кузьминское — одно из них.

Уже только первая картина ярмарочного Кузьминского сулит героям встречу со счастливыми:

Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом! [13, с. 30]

Однако, как ясно, Кузьминским Некрасов явно не собирался завершать странствие героев-крестьян, потому регистр повествования в данной главе переключен — с поиска счастливых на картины народного гулянья. Некрасовские герои оставили поиски, но

Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, повой обувью,
Издельем кимряков [13, с. 32].

Наблюдают разнообразные бытовые сценки — мужик и тележный обод [13, с. 31], мужик и топор [13, с. 32], сценка с покупкой Вавилой козловых башмаков [13, с. 32–33], балаган «с Петрушкой» [13, с. 35] и проч.

Погрузив героев в атмосферу и события ярмарочного дня, Некрасов получает возможность линейности сюжетного действия совместить с центробежностью: персонажи-странники обретают мотивацию остановиться, оглядеться вокруг, а повествователь — воспроизвести увиденное. Точки зрения героев и повествователя на какой-то момент совмещаются,

хотя и не совпадают, накладываясь друг на друга, демонстрируя простодушие крестьян и иронический ракурс нарратора.

Простоватые крестьяне смотрят на мир с собственной — огрубленной и примитивной — позиции. Так, разглядывая картинки в книжной лавке, уличные торговцы-офени предпочитают купить портреты генералов «по комплекции»:

— <...> шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбить желательн?
<...>
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да чтобы больше звезд! [13, с. 34]

Герой-офеня серьезен и убежден в своей правоте, тогда как повествователь оценивает описываемую сцену иронично, демонстрируя бифокальность изобразительного ракурса.

Воспроизведенная Некрасовым сцена колоритна и по-своему трогательна. Однако она приоткрывает важную сторону восприятия крестьянами счастливых: читателю становится ясно, что

Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели [13, с. 34]

И, очевидно, не только генералы, но и попы, помещики, вельможи и проч. Данный акцент еще раз убеждает в непродуманности выбора «крестьян-лапотников» [13, с. 16] в качестве героев-исследователей, героев-судей в оценке народной жизни. Герои-странники солидарны с торговцами-коробейниками — толстобрюхость («брюхо с бочку винную» [13, с. 34]) для них является доминантой солидности, почета и счастья.

Повествователь внутренне расходится со своими героями, неслучайно именно в этой части главы прорывается первоначальный голос нарратора — со знаменитым риторическим вопросом, когда же

...мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет? [13, с. 35]

Автор понимает, что герои-крестьяне не смогут дать ответ на искомый — титульный — вопрос, однако желание изобразить Русь глазами униженного и разоренного народа доминирует в характере выстраивания повествовательных стратегий. «Объективность» персонажей-крестьян автором-повествователем не ставится под сомнение.

Ярмарка в селе Кузьминском нужна Некрасову, чтобы показать простонародье в день праздничный, благополучный и счастливый. Народ сыт и пьян. Он благодушен и доволен. Однако и здесь Некрасов

(рационалистически) не упускает возможности обнаружить непреодолимый конфликт, веками существовавший между социальными слоями. После представления в балагане —

Комеди<и> с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой... [13, с. 35] —

герои Некрасова не удерживаются от комментария:

И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков! [13, с. 35]

Между тем, если вдуматься, реплика-ремарка крестьян не релевантна: традиция площадных народных представлений никогда не прерывалась и конкуренции между помещичьим театром и базарным балаганом никогда не существовало. Некрасов пользуется любым случаем, чтобы актуализировать напряженность между крестьянами и помещиками, словно бы упуская из виду то существенное обстоятельство, что спектакли, которые играли талантливые крепостные в барском театре, далеко не равновелики тем петрушечным представлениям, что ныне вольные актеры («теперь мы люди вольные» [13, с. 36]) дают на базаре. У проблемы, уплотненно намеченной Некрасовым, оказывается, есть и иная сторона.

Но, как бы то ни было, не заметить счастья и благополучия, которые царят в селе Кузьминском, герои Некрасова не могли. Между тем «разутешенные» [13, с. 33] кузьминцы не побуждают героев-странников к мысли о счастье, которое сопутствует крестьянам этой волости — не разутой, не горелой, не заплатной. Как не пробуждают в них представления и о том, что праздник сменяется буднями, счастье — несчастьем, радость — печалью. И наоборот. Герои-странники задействованы Некрасовым в данной главе как свидетели, как очевидцы, глазами которых он смотрит на жизнь крестьянской вольницы и может воспроизвести характерные сцены ярмарочного дня. Иными словами, глава «Сельская ярмонка» — представляется статуативным моментом поэмы, некоей образно-колоритной картинкой, возникшей на пути крестьян, но в ответе на поставленный героями вопрос не участвующей. В продолжение всей главы даже тень вопроса о том, «кому живется счастливо...», в тексте не появляется, Некрасов меняет повествовательные стратегии.

В этом плане более важную роль берет (должна была взять) на себя глава III — «Пьяная ночь».

Как известно, одним из вариантов завершения поэмы «Кому на Руси жить хорошо» был тот, по которому искомым крестьянами счастливец оказывался пьяный. По воспоминаниям Г. И. Успенского, на вопрос о возможном счастливец «Николай Алексеевич <...> улыбнувшись, произнес с расстановкой:

«Пья-но-му!» [21, с. 374–375]. По Успенскому, в финале поэмы крестьяне-странники на пересечении дорог останавливаются в кабаке, где встречают мужичка, «подпоясанного лычком», и в разговоре с ним за чарочкой выясняют, что он и есть счастливец [21, с. 374]. О сходном варианте завершения поэмы вспоминает и Н. К. Михайловский: «иронически-скорбный ответ» автора поэмы, с улыбкой горькой — «хмелю» [10, с. 22].

По предположению В. В. Гиппиус, мысли Некрасова о пьянице-счастливце относятся примерно к 1872–1874 годам [1, с. 303]. Однако текст главы «Пьяная ночь» позволяет предположить, что подобные мысли посещали поэта и раньше, в период работы над частью первой — содержание главы «Пьяная ночь» становится тому свидетельством.

Современники-соратники Некрасова считали финал, (предположительно) связанный с образом пьяницы, сатирическим и мало согласующимся с демократическим духом поэмы [12]. Однако в начале XX века исследователь В. Е. Чешихин пересмотрел данную точку зрения и предложил считать «пьяный» финал находкой Некрасова. По мысли Чешихина, финальный образ пьяницы никак не обеднял содержание поэмы, а скорее философизировал его. Чешихин рассуждал следующим образом: «Обычно это <возможный финал> понимают как сатирическую выходку: почувствовать себя блаженным в русском царстве нищеты и скорби человек может только в состоянии пьяного угара. Но такое объяснение звучит слишком бедно и мелко. В подпоясанном лычком человеку, открывающем истину мужикам, можно видеть олицетворение отрешившегося от житейских уз скитальца, свободного, как птица небесная, и тогда настроения Некрасова связываются естественно с столь русскими, чисто архаическими мечтами, бродящими в русской душе. Предполагаемый герой-пьяница мог быть представителем русской бродячей вольности...» [11, с. 40]

Вряд ли сегодня можно всерьез принять суждение Чешихина о пьянице как об «архаическом» представителе «русской бродячей вольности», однако, признавая допустимость различных интерпретаций, следует внимательнее присмотреться к ображаемому финалу поэмы.

В современных условиях, когда произошло сближение философии Запада и Востока, когда Россия все чаще осознает себя частью восточного мира, когда древняя восточная мудрость восхищает не менее античных диалогов Платона или софизмов Аристотеля и Сократа, едва ли не каждому знакома восточная притча о Будде и пьянице, по которой монах, исправно и усердно в течение долгих лет проводящий время в молитве, по утверждению Будды, еще долго не достигнет нирваны, тогда как запойный пьяница, валяющийся в придорожной канаве, «уже там». Восточная мудрость со всей глубиной и мотивированностью признает причастность пьяницы к нирване (иначе — к сансаре, уми-

ротворению, внутреннему душевному благоденствию, отрешению от всего сущего).

Признавая право на счастье за пьяницей, Некрасову не нужно было настраиваться на сатирический тон, ему не было необходимости маскировать в образе пьяницы «вольного бродягу-бунтаря», ему достаточно было признать истинность восточной философской притчи (как это делали другие талантливые писатели¹).

Однако Некрасов — в духе демократической тенденции — социологизировал идею-притчу, мысль-наблюдение, о которых говорил первым слушателям поэмы (будь то Успенский или Михайловский, или др.). При этом вполне возможно, что Некрасов даже не знал этой притчи, не имел ее в виду, но ему достало ума осознать допустимость и правомерность «пьяного» решения «экзистенциальной» проблемы.

Вместе с тем философия пьянства, которую предлагает Некрасов, совершенно иная — не коррелирующая с буддийской притчей, но и не сводимая к популярной в середине XIX века проблеме пьянства русского народа, спивающихся крестьян, получивших волю и не знающих, что с нею делать. Об обилии питейных заведений, открытых в тот период, и о множестве пьянствующих мужиков многократно писали историки и культурологи, занимавшиеся изучением последствий Манифеста Александра II [5, 6, 15]. Этому «крестьянскому бедствию» посвящены и многие строфы поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — бражных и питейных сцен в поэме Некрасова множество, и они разнообразны (см. об этом [3, с. 69–82]).

Уже одну из самых первых сцен поэмы сопровождает водка:

Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка [13, с. 7],

как только крестьяне расположились на первый ночлег в лесу.

В сказочной ситуации с пеночкой-благодетельницей вслед за просьбой о «полпуде хлеба» немедленно следует просьба крестьян-странников о водке: «Да по ведру бы водочки...» [13, с. 11]. Причем пеночка понимает, что запросы крестьян могут быть много больше, потому она предупреждает:

«А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!» [13, с. 13–14]

Очевидно, что сказочный запрет (по В. Я. Проппу) должен (мог) явиться этапом поворотного развития сюжета, связанного с питием, однако у Некрасова он не реализован и не завершен (судя по сохранившемуся тексту поэмы — забыт, хотя именно таковой элемент сюжета мог бы приблизить повествование к «пьяному» финалу).

Питейных заведений много и на ярмарке в Кузьминском:

Помимо складу винного,
Харчевни, рестораны,
Десятка штофных лавочек.
Трех постоянных дворов,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки па селе [13, с. 30].

Потому к вечеру ярмарочного дня

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам! [13, с. 38]

В силу вступает прием олицетворения, когда тракт, на котором оказываются герои, оживает и превращается в «дорогу стоголосую» [13, с. 38], говорящую различными языками, теми отрывочными репликами-возгласами хмельных мужиков и баб, которые слышат странники на своем пути.

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее!
Всё чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она! [13, с. 41]

Картина пьянства и разгула — обширна и многоголоса, исполнена радости и печали, пьяных жалоб и веселых возгласов, просьб и проклятий, среди которых Некрасов не упускает и существенное для него — оценку крестьянами государева Указа о «крепи»:

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты нисана...» [13, с. 38]

И на этом фоне Некрасов вводит в повествование суждение героя-демократа, собирателя русского фольклора Павла Веретенникова, персонажа народолюбивого (всп. эпизод с козловыми башмаками) и достойного быть услышанным:

Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть! [13, с. 41]

Веретенников озвучивает точку зрения, доминировавшую в сообществе просвещенной интеллигенции середины XIX века, озабоченной усилением пьянства после отмены крепостного права [2, с. 7–13]. Казалось бы, Некрасов, несомненно, солидарный с таковой позицией и инвективной Веретенникова, должен был остановиться на этой проблеме и (может

быть, как и в случае со сценой в книжной лавке) обнаружить собственный лирический голос, возвысившийся до привлечения внимания к бедствию общегосударственного масштаба. Однако Некрасов выдвигает иной ракурс проблемы — по-своему убедительный и даже онтологизированный.

В текст поэмы вводится выделенный — самостоятельный — голос крестьянина Яким Нагого, своеобразного крестьянского философа-мыслителя. У персонажа, способного к самоанализу, наличествует собственный взгляд на народное пьянство — может быть, не абсолютный, но весомый и допустимый.

По мысли героя Некрасова, народное пьянство — не порок, но проявление силы русского характера. В ответ на замечание Веретенникова о пьянстве русского мужика, Яким возражает:

Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа? [13, с. 42]

И аргументы Нагого вполне резонны и заслуживают внимания:

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья! [13, с. 42]

Яким наблюдателен и способен к умозаключениям:

<...> Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся? [13, с. 42]

Крестьянин-философ признает, что «Нет меры хмелю русскому», но задается вопросом: «А горе наше меряли? / Работе мера есть?» [13, с. 43]. С его точки зрения, народное питье — утешительный эквивалент крестьянского горя:

Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,

Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь? [13, с. 43]

То есть устами философствующего героя Некрасов предлагает альтернативное понимание проблемы народного пьянства — не сожаление и печаль, а гордость и восхищение мощью русского пьяницы.

Жалеть — желей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!.. [13, с. 44]

В философствовании героя вновь звучит демократический мотив — мерочка господская и мерочка крестьянская, они несопоставимы и непримиримы. Некрасов в любой ситуации не упускает возможности подчеркнуть социальное противостояние классов. Но в данном случае важен не идеологический штрих, но сама сущность пьяной диалектики.

Неожиданный взгляд на народное бедствие — на повальное пьянство свободных, точнее временнообязанных крестьян — доверяется Некрасовым представителю народа, но что важнее — персонажу думающему, размышляющему, способному к (само)анализу. В ходе монологического выступления Якима Нагого его образ вырисовывается как цельный, полномерный, непроходной, его позиция заслуживает внимания (на эмотивном уровне — почти одобрения).

Из яркого монолога вдумчивого персонажа становится очевидной заинтересованность Некрасова в осмыслении проблемы пьянства, образ Нагого словно подсказывает (указывает на) предрасположенность поэта к поискам народного счастья через пьянство (как возможный и допустимый вариант) — причем уже на раннем этапе создания поэмы.

Между тем, как было подчеркнуто ранее, современники (и соратники) Некрасова воспринимали мотив счастья-пьянства как мотив иронический, даже сатирический, т. е. в конечном счете — облегченный. И, надо полагать, прямо высказывались на этот счет. В силу особенностей «податливого» таланта Некрасов не мог не учитывать этого обстоятельства — потому прозвучавшая философическая сентенция Якима Нагого «снимается» автором с обсуждения, остается без комментария и рефлексии (автора или героев), она «повисает» в тексте поэмы, не будучи удостоенной художественной интерпретации, даже поверхностной аксиологии. Хотя философия Нагого, несомненно, требовала истолкования.

Дело в том, что алогизм философической аргументации Нагого очевиден:

Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою

Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь? [13, с. 44]

Однако в данном случае речь должна идти не о канаве, а о последствиях пьянства для самого пьяницы и для крестьянской семьи. Но никто из героев-слушателей не противоречит Якиме — окружающие с ним соглашаются:

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: — Слово верное:
Нам подобает пить! [13, с. 47]

У пьянства появляются резоны и оправдания, почти императивный призыв:

Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Бедя не одолела бы,
Нас хмель не одолит! [13, с. 47]

Звучное слово некрасовского героя, кажется, почти убедительным, почти прославляющим, почти взывающим. Столь привлекательная позиция персонажа должна была вызвать ответную реакцию, например, «разумной головешки» [13, с. 47] Павлуши Веретенникова. Однако происходит обратное — с одной стороны, как бы в похвалу и как бы соглашаясь с героем,

Якиме Веретенников
Два шкалика поднес [13, с. 47].

С другой стороны, повествователь (вместо возможного комментария) умело отвлекает читателя от «пьяной философии», переводя взор реципиента на другую историю, связанную с Якимом Нагим, — с лубочными картинками, спасенными крестьянином во время пожара. Ставшая эпицентром рассказа о Якиме Нагом история с лубками заслоняет собой суждения о правомерности пьянства на Руси, о богатстве пьющего русского народа. И таким образом еще один сюжетный виток поэмы (как и в случае с «прологовой» пеночкой) оказывается незавершенным. Заметим, в обоих случаях эти сюжетные «тупики» непосредственно связаны с мотивом пьянства. Может быть, даже с идеей пьянства, что позволяет говорить о том, что «пьяный финал» мог быть у Некрасова изначальным, исходным, исконным. Но демо(кра)тическая тенденция уводила поэта в сторону — в направлении создания эпической картины народной жизни, акцентируя доминанту социологическую в ущерб доминанте философической.

«Оправдательная» философия пьянства нивелировала социальный ракурс, который настойчиво эксплуатировал Некрасов: для поэта было актуальнее говорить о классовых причинах пьянства, а не о личностных мотивах (или об отсутствии та-

ковых), не углубляться в праздное (и не понятное народу) философствование. Именно поэтому в каждом конкретном случае Некрасов не ищет истоки и причины пьянства: неизвестна причина того, почему так напился Яким Нагой, как не известна причина и того, почему добрый и совестливый Вавила пропил деньги, отложенные на козловые башмаки внучке, вряд ли можно объяснить и повально валяющийся вдоль дороги пьяный крестьянский люд. Во всех случаях причина, вероятно, в том, что для крестьян настал день ярмарки, к тому же день «праздника храмового» (который так нигде и не назван). Во всей поэме нет ни единого случая, когда бы причина пьянства лежала в социальной сфере — примера тому Некрасов не дает. Иными словами, поэма Некрасова базируется на идее зависимости народного пьянства (= народных бедствий и страданий) от социально-политических причин, однако эта идея остается умозрительно-априорной, не отрефлексированной, не прокомментированной, не воплощенной в зримых художественных образах. Некрасов не последователен, автор-повествователь словно бы забывает о ряде заявленных перспектив, сознательно или бессознательно нарушает логику нарративной мысли.

Таким образом, главы «Сельская ярмонка» и «Пьяная ночь» — структурные элементы первой части — стали статуарными эпизодами поэмы, не столько сопутствуя сюжетной динамике, сколько обеспечивая композиционную ретардацию. Если предположить, что Некрасов очень скоро осознал невозможность найти счастливица среди названных крестьянами претендентов-богатеев, но по скорректированному замыслу имел в виду изображение крестьянской жизни и отыскание счастья в пьянстве — то, надо полагать, на главе «Пьяная ночь» поэма «Кому на Руси жить хорошо» должна была бы (могла бы) завершиться. Неслучайно замечание нарратора о чувствах, начавших одолевать странников в конце главы «Пьяная ночь»:

Им крепко захотелось
Скорей попасть домой... [13, с. 49]

Но эпический размах и жанровый канон задуманной (обещанной читателю) поэмы диктовали автору необходимость продолжения дорожного странствия героев-крестьян, надобность встречи персонажей-странников с другими персонами, возможными счастливицами или несчастливцами, открывающими если не секрет счастья, то простор для изображения широкой панорамы народной жизни. И хотя в главе «Сельская ярмонка» перед героями-странниками вопрос о поисках счастливых не встал, однако после главы «Пьяная ночь» персонажи-искатели, наконец, решили (были сориентированы автором) попытаться удачи среди «малых людей». И этим героем впоследствии окажется Матрена Тимофеевна из главы «Крестьянка».

Примечания

1. Подобный мотив восточной притчи был неоднократно использован в западной культуре — в русской литературе начала XX века Н. Гумилевым и Е. Блаватской, в зарубежной литературе — например, Г. Гессе в его знаменитом «Сиддхартхе».

Литература

1. Гиппиус В. В. К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова / ИРЛИ СССР. Л.: АН СССР, 1934. 594 с.
2. Горошкина Н. Е. Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863–1894 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. Сер. История. С. 7–13.
3. Данилова М. Д. «Нет меры хмелю русскому...» (опыт историко-культурного комментария к «пьяному» мотиву в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Карабиха: ист. — лит. сб. Вып. 6. Ярославль, 2009. 415 с. С. 69–82.
4. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.; Л.: Наука, 1953. 282 с.
5. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
6. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
7. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме. В. Новгород: НовГУ, 1999. 165 с.
8. Кошелев В. А. Некрасов и «джентельменский кодекс» охоты // Карабиха: ист.-лит. сб. Вып. 2 / сост. Б. В. Мельгунов. Ярославль, 1993. 355 с.
9. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. 280 с.
10. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. 4-е изд. СПб.: Русское богатство, 1906–1909. Т. 7. СПб., 1909. 886 стб.
11. Некрасов в воспоминаниях современников, письмах и несобранных произведениях / сост. Ч. Ветринский. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1911. 303 с.
12. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит-ра, 1971. 598 с.
13. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. Л. (СПб.): Наука, ЛО, 1981–2000. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л., 1982. 688 с.
14. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: избр. статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
15. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времён / при участии Н. Никольского и В. Сторожева. М.: Изд. т-ва «Мирь», 1913–1914. Т. 5. М., 1914. 349 с.
16. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1987. 264 с.
17. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: о творчестве Н. А. Некрасова. М.: Просвещение, 1985. 174 с.
18. Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. 411 с.
19. Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели: очерки. М.: Сов. Россия, 1986. 336 с.
20. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 3-е изд., доп. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.
21. Успенский Г. И. «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит-ра, 1971. 598 с.